

Суицид в фокусе криминологической науки

Корсаков К.В.

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

В данной обзорной статье рассмотрены подходы к сложному социально-психологическому феномену суицида в криминологии, а также имеющиеся сегодня проблемы и трудности в профилактике самоубийств. Осуществлен обзор разработок, имеющих в этой междисциплинарной науке, в сфере профилактики суицида. Показана хронология изучения суицида в криминологии, указано на общность причин суицидального и преступного поведения, названы основные социально-психологические факторы суицида, предложено авторское определение суицида. Дано психолого-криминологическое описание видов суицида в зависимости от областей наиболее частого проявления этого явления с выделением мер его профилактики применительно к каждой сфере, представлена социально-психологическая характеристика суицидальной личности с выделением свойств, сближающих ее с криминальной личностью. Описан психологический синдром стигматизации личности суицидента, проанализированы научные концепции, объясняющие причины суицида. Сделан вывод о необходимости формирования эффективно действующей системы предупреждения суицида, а также выделены новые методы, направленные на совершенствование деятельности по предупреждению суицидального поведения.

Ключевые слова: криминология и суицид, психология суицидального поведения, изучение суицида, профилактика суицида, социально-психологические причины самоубийств, личность самоубийцы.

Для цитаты: Корсаков К.В. Суицид в фокусе криминологической науки [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 3. С. 108–119. DOI:10.17759/psylaw.2020100308

Suicide in the Focus of Criminology

Konstantin V. Korsakov

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

This survey article deals with the approaches to the complex psychosocial phenomenon of suicide in criminology, looks into the existing problems and obstacles in the field of suicide prevention and also reviews the progress which this interdisciplinary science has made in it so far. The author shows how suicide was studied throughout the history of criminology, points out to the generality of causes of both suicidal and criminal behavior, identifies major psychosocial factors of suicide, proposes his own definition of suicide. The psychological-criminological description of suicide types is given for the domains where this phenomenon is most frequent along with preventive measures for each domain. The psychosocial characteristic is presented for suicidal personality and also similar traits are found between suicidal and criminal personality. The author describes the psychological stigmatization syndrome of a potential suicide's personality, analyzes the scientific concepts explaining the causes of suicide, concludes that there is a need to establish an effective system of suicide prevention and also singles out the new methods aimed at improving the practices for prevention of suicidal behavior.

Keywords: criminology, suicide, suicidal behavior, study of suicide, suicide prevention, psychosocial causes of suicide, suicide's personality.

For citation: Korsakov K.V. Suicide in the Focus of Criminology. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 108–119. DOI:10.17759/psylaw.2020100308 (In Russ.).

Интерес криминологии к социально-психологическому феномену суицида возник почти с момента формирования первой в конце XIX в. Уже тогда Э. Дюркгейм в работе «Самоубийство» рассматривал суицид в одном ряду с преступностью, обратив внимание на схожесть их природы, общность причин и их существование на протяжении всей истории человеческой цивилизации [29]. В этой работе им была описана зависимость ежегодного числа самоубийств от внешних факторов (экономических, психологических, географических, политических, духовных), подтвержденная впоследствии его последователем Р. Мертоном. В рамках теории аномии Э. Дюркгейма были сделаны выводы о том, что суицид — равно как и гомицид — часто является следствием неспособности людей приспособиться и адаптироваться к резким изменениям общественной жизни, к социальным сдвигам и катаклизмам, переломным и кризисным ситуациям, а ведущей чертой личности суицидента

является разрушение идентичности (*identité*). Произошедшие в России в начале 90-х гг. XX в. общественно-политические потрясения, приведшие к крушению прежних нравственных и духовных идеалов, к состоянию аномии, общественной дезорганизации и всплеску преступности и увеличившие число суицидов, подтвердили идеи Э. Дюркгейма: психологический кризис, личностная дезадаптация, потеря жизненных смыслов, целей и ориентиров, дезорганизация личности в новой и чуждой социально-экономической реальности, имморализм и бездуховность — все это порождало психологические страдания и нравственные переживания, приводило людей к преступлениям, алкоголизму, наркомании и суициду.

Российские криминологи также часто обращались к теме суицида. Например, когда в 1892 г. Судебные власти безосновательно обвинили удмуртских крестьян из села Старый Мултан в религиозном мракобесии, изуверстве и ритуальном убийстве, этот резонансный уголовный процесс был незамедлительно опротестован передовой общественностью. В «Мултанское (Удмуртское) дело» вмешался правовед А.Ф. Кони, который обратил внимание на то, что хотя все несправедливо обвиненные крестьяне-вотьяки были оправданы, однако перед этим большинство из них удавилось и ушло из жизни, не выдержав давления и издевательств. При этом он указал на то, что среди чувашей, марийцев и удмуртов существует древний обычай — «сухая беда» (по-чувашски «типшар»): самоубийство, вызванное стечением тяжелых жизненных обстоятельств либо нанесением большой обиды, и сделал вывод, что такие особые этнопсихологические черты и свойства этих финно-угорских этносов — автохтонов поволжских земель, как повышенная психологическая чувствительность и эмоциональная ранимость, требуют от российского государства самого внимательного и бережного к ним отношения [15].

Причины суицидов А.Ф. Кони связывал с негативными социально-психологическими явлениями, которые названы им в очерке «Самоубийство в законе и жизни». К проблеме суицида обращался и советский криминолог В.Н. Кудрявцев. Так, он, рассматривая явление суицида с позиций классовой теории и утверждая, что в нем немало как «психологического, так и социального», приводил в пример строки из песни о нелегкой рыбацкой доле в буржуазных странах, которая звучит в кинофильме «Человек-амфибия»: «Лучше лежать во мгле, в синей прохладной мгле, чем мучиться на суровой, жестокой, проклятой земле. Будет шуметь вода, будут лететь года и в белых туманах скроются черные города...» [19].

На рубеже XX и XXI вв. исследования суицидального поведения в России усилились; во многом это было связано с появлением возможности работать с общемировыми статистическими данными о суициде и сравнивать его параметры, включая территориальную распространенность. В 2003 г. в Москве Всемирная организация здравоохранения ООН представила доклад под заголовком «Насилие и его влияние на здоровье», согласно которому Россия на тот момент занимала второе место в мире по числу самоубийств на душу населения после Литвы (более 55000 актов в год), а в 2006 г. был обнародован доклад Шведского национального центра по исследованию и профилактике самоубийств при Каролинском университете (NASP)¹, согласно которому по числу самоубийств в возрасте от 15 до 19 лет Россия заняла 1 место в мире (около 2500 актов в год) [3; 4]. На этот период приходится и первые глубокие исследования эвтаназии, называемой рядом российских

---

¹ Следует отметить, что Швеция была первой западноевропейской страной, в которой начали непрерывно собирать достоверную статистику самоубийств, что выделяло и отличало ее от других, более клерикальных стран Западной Европы, где суицидальную тематику было принято скрывать и не обсуждать публично.

авторов (О.С. Ивченко, С.С. Яценко и др.) частным случаем суицида, при котором индивид, желающий уйти из жизни, вынужден искать помощи у врачей для реализации своего замысла [23].

В последние годы суицид начал пристально изучаться российскими учеными, что связано с интенсивностью проявления этого явления, особенно среди молодых людей: в частности, согласно данным, приводимым Д.А. Корецким и Е.С. Стешич, «... если в 2015 г. самоубийство совершили 685 подростков, а покушались на свою жизнь 505, то в 2016 г. свели счеты с жизнью 720 детей. За 3 месяца 2018 г. в Ростовской области было совершено 6 суицидов и 12 попыток. За такое же время в 2017 г. их было меньше — 4 и 10» (мировая статистика, обобщаемая Всемирной организацией здравоохранения ООН, также говорит о том, что явление суицида не проявляет тенденций к снижению: ежегодно в мире происходит около 800000 самоубийств и более 20 млн суицидальных попыток) [16]. По информации Росстата, в 2018 г. в России в результате суицида погибло 18206 человек — 15079 мужчин и 3127 женщин (число смертей от суицида среди мужчин почти в 6 раз больше, чем среди женщин).

Другими факторами, актуализирующими эту проблематику, являются «сигнальное» свойство (алармистская функция) суицида, на которое обратил внимание еще Э. Дюркгейм: уровень суицида в обществе служит «лакмусовой бумагой», индикатором и барометром социально-психологического благополучия, а также признание психологами и криминологами того, что суицид относится к числу девиантных и наиболее социально вредных, «фоновых» явлений, которые оказывают влияние на преступное поведение и тесно связаны с последним.

Распространенность суицида и его связь с преступностью позволяют характеризовать его как массовое общественно опасное явление, требующее решительных мер реагирования, нацеленных на доведение его до социально приемлемого уровня. Помимо отнятия жизни, имеющей, как известно, абсолютную ценность (как лаконично сказал о ней Н. Островский: «Самое дорогое у человека — это жизнь»), суицид обесценивает ее, подает пагубный, дурной пример, деморализует и отрицательно действует на массовую психологию. Суицид влечет не только сонм негативных — упадочнических (декадентских), депрессивных, унылых и «капитулянтских» — настроений, эмоций, чувств и мыслей, но и, подобно терроризму, порождает и усиливает в обществе страхи, фобии, тревожность, неуверенность в безопасности, а у отдельных людей — сомнения в смысле своего дальнейшего существования.

Указывая на то, что сегодня «имеется потребность в дальнейшей разработке эффективных мер профилактики суицидального поведения», А.Е. Шалагин и А.Д. Идиятуллов определяют последнее как «... аутоагрессивные поступки индивида, сознательно и преднамеренно направленные на лишение себя жизни по причине появления неблагоприятных или трудных жизненных обстоятельств» [31]. На наш взгляд, правильнее определять суицид как одну из общественно опасных форм девиантного поведения, выражающуюся в сознательном отказе человека от жизни и связанную с действиями, направленными на ее прекращение, так как причинами суицида могут быть не только неблагоприятные и трудные жизненные обстоятельства (примером может служить суицид по религиозным мотивам: в частности, в джайнизме самоубийство (саллекхана) путем отказа от пищи считается одним из 8 послушаний, а в 1997 г. в США 39 членов религиозной секты «Heaven's gate» употребили фенобарбитал, одели на головы полиэтиленовые пакеты и скончались).

В криминологии хорошо известно, что для снижения преступности нужно нейтрализовать

ее причины и условия: их устранение или уменьшение степени воздействия ведет к спаду криминальной активности. Такой подход распространяется и на явление суицида, которое, как и многогранный феномен преступности, опосредуется как большой группой общих причин, заложенных в социуме, так и с эмоционально-психологическими, волевыми и иными особенностями личности людей, решившихся на суицид (например тех, что привели к суициду Мартина Идена — героя романа Д. Лондона — и формируют «синдром Мартина Идена», предполагающий разочарование, хандру, тоску, сильное нервное истощение и депрессивные переживания после достижения заветной цели).

Среди причин суицидального поведения в криминологии в первую очередь выделяют социальные (поляризация (резкое расслоение) людей по уровню достатка и качеству жизни, пауперизация, люмпенизация и маргинализация населения, порождающие социальные конфликты неравенство в доступе к социальным благам и сословный антагонизм, необеспеченность государством основных потребностей населения (в жилье, в досуге, в творческой деятельности и пр.), социальная инертность и социальная фрустрация, кризис в брачно-семейной сфере (резкий рост разводов и распадов семей, увеличение числа неполных семей и т. д.), пьянство, алкоголизм, наркомания и иные проявления аддиктивного поведения, ксенофобия, национализм, религиозные и расовые предрассудки) и морально-психологические (затяжной духовный кризис, утрата прежних идеалов и ценностей, идеологический вакуум, равнодушие², психологическая несовместимость, упадок системы образования и воспитания детей, невежество, хамство, грубость и низкий уровень грамотности, распространение принципов индивидуализма, эгоцентризма, эскейпизма и невмешательства, синдромы отчуждения и деперсонализации личности, самопротивопоставление людей их социальному окружению и отвержение ими базовых правил поведения, увеличение числа людей с неменяемостью, акцентуациями и отклонениями в психике, общее ухудшение физического здоровья, распространение соматических заболеваний, массовые неврозы).

Среди причин суицида можно выделить группу, тесно связанную с особенностями тех областей жизнедеятельности, в которых наиболее часто проявляет себя это явление. В частности, можно выделить специфические причины самоубийств в подростковой среде, суицида в местах изоляции от общества, суицида в воинской среде и в правоохранительных органах и т. д. Широкое распространение самоубийств в этих сферах привело к выделению отраслей суицидологии — пенитенциарной суицидологии, ювенальной суицидологии и военной суицидологии [2; 11; 30].

Так как Вооруженные силы в России всегда играли заметную роль в общественно-политической жизни, а на армии отражаются, гипертрофируясь и преломляясь в условиях воинской реальности, все социальные проблемы, распространенность суицида среди военнослужащих и сотрудников силовых структур давно обратила на себя внимание ученых. Так, К.В. Харабет выделил следующие причины распространенности суицида в армейской среде: «... трудности военно-служебной адаптации вследствие слабой допризывной подготовки, невысокий психологический настрой и мотивация военнослужащих, обусловленные упущениями в их воспитании, сложившейся бытовой ситуацией в семье, глумления и издевательства со стороны сослуживцев; тяжелый нравственный климат в

---

² Как писал в своем незаконченном романе «Заговор равнодушных» польский писатель В.Я. Ясенский: «Бойся равнодушных — они не убивают и не предадут, но только с их молчаливого согласия существует на земле предательство и убийство».

отдельных воинских коллективах; повышенные физические и психические нагрузки, связанные с неукомплектованностью личным составом воинских подразделений» [26].

К ним можно добавить: наличие в армии явления «дедовщины» (неуставных отношений); сохраняющаяся распространенность пьянства (на почве употребления спиртных напитков в современной армии совершается около 1/4 от общего числа самоубийств [14]); тяготы, лишения и ограничения, связанные с прохождением службы; жилищную и бытовую неустроенность; постоянную ротацию кадров, влекущую частые переезды военнослужащих вместе с семьями с одного места службы в другое; конфликты и неурядицы в семье; коррупционные проявления; служебную халатность и грубые нарушения прав военнослужащих со стороны военного руководства.

Совпадающие и во многом схожие с приведенными выше причины толкают на суицид сотрудников правоохранительных органов: хронический стресс и постоянное психологическое напряжение; ненормированное рабочее время; приобретенные в период службы заболевания и инвалидность; алкоголизм и употребление наркотиков; доступ к огнестрельному оружию; тяжелые условия службы и упущения в воспитательно-психологической работе с личным составом. Наибольший процент самоубийц в этих структурах приходится на органы внутренних дел, особенно на такие их подразделения, как ППС, ДПС и уголовный розыск, причем добровольно уходят из жизни в основном молодые сотрудники, прослужившие в полиции не более пяти лет [13].

Сложности в профилактике суицида, в выявлении его причин и условий, характерные для армейской действительности, присущи и местам изоляции от общества — исправительным и воспитательным колониям, СИЗО, тюрьмам и ИВС. Эти трудности усиливаются факторами эмоционально-психологического плана, связанными с самим фактом нахождения в изоляции от социума в составе однополых коллектива людей, которые подвержены криминальной субкультуре, и описанными в трудах представителей криминальной психологии — А.Д. Глоточкина и В.Ф. Пирожкова [5—10].

Ввиду усиления мер контроля, а также неуклонного уменьшения численности тюремного контингента, число самоубийств в местах лишения свободы снизилось. Если в 2007 г., согласно данным О.Р. Цоя, в местах лишения свободы было совершено 436 актов суицида [21], а в 2013 г. их насчитывалось 461, то в 2017 г., по информации Росстата, было зафиксировано 314 случаев самоубийства и всего 278 случаев — в 2018 г. (в 2018 г. из 479 попыток суицида 201 закончились неудачно и люди были спасены). Эта положительная динамика связана с усилением наблюдения со стороны персонала, своевременной постановкой на профилактический учет лиц, склонных к суициду, активной работой психологов, фасилитаторов и капелланов — священнослужителей, представляющих мировые религии (сегодня в учреждениях ФСИН успешно функционируют 228 православных храмов, 42 мечети, 8 буддийских храмов и 4 костела католической церкви) [17; 18].

В ходе психологических исследований было выявлено, что наиболее восприимчивыми и подверженными явлению суицида и схожим с ним негативным социальным явлениям выступают лица подросткового возраста. Причинами тому являются не только свойственные для этого периода жизни и переходного возраста личностная «незрелость», юношеские максимализм, нонконформизм, демонстративность и импульсивность в поведении, повышенная сенситивность, эмоциональная нестабильность и изменчивость настроения под влиянием внешних факторов (часто — с погружением во внутренний мир собственных переживаний), недостаточная лабильность нервной системы, «суженность» сознания и другие психологические факторы, но и социальные причины — социальные кризисы и

конфликты, безработица, бедность, отсутствие жилья и иные тяжелые жизненные условия, депривация, одиночество, общественная изоляция и высокая социальная напряженность, порождающие аффективные реакции на них в первую очередь со стороны более остро, болезненно и интенсивно их переживающих — подростков и молодежи [20; 22; 24].

Признаками нахождения подростка в таких кризисных ситуациях являются раздражительность и негативизм, тревожность, нерешительность, безысходность, чувство вины, утрата смысла жизни, перепады настроения, снижение волевых побуждений вплоть до абулии, замкнутость в общении, избирательная общительность, заикливание на конфликте, фрустрационная напряженность, порождающие агрессию, которая направляется вовне (на окружающих) или внутрь себя (аутоагрессия), выражаясь в саморазрушении, членовредительстве и суициде [27].

Многие ученые связывают рост ювенального суицида в России с деятельностью «групп (клубов) смерти» — сообществ в Интернете, участники которых получают от анонимных лиц особые задания и проходят своего рода квесты, итогом которых является самоубийство — «самовыпиливание» на языке членов некоторых сообществ (среди них: «Синий кит», «Тихий дом», «Разбуди меня в 4:20», «Красная сова», «Море китов», «Млечный путь», «NaN», «F57», группы Филиппа «Лиса» Будейкина и мн. др.).

Несовершеннолетние, состоящие в таких сообществах, которых сегодня в социальных сетях по всему миру насчитывается несколько тысяч [28], активно делятся своими познаниями в суицидальных практиках, обсуждают формы ухода из жизни (в частности, где и как получить сильнодействующие лекарственные средства, ядовитые и отравляющие вещества, с помощью которых можно совершить суицид), ведут поиск людей, интересующихся этой темой, и общаются с ними. Такие сообщества и сетевые клубы для ряда подростков, испытывающих проблемы в социальном общении, адаптации и самоактуализации, замкнутых, эмоционально неуравновешенных, обладающих инфантильным расстройством личности и психопатиями, выступают единственным способом общения со сверстниками и другими людьми, с которыми их объединяют общие проблемы.

Сегодня такие сообщества, площадки, чаты и сайты отслеживаются правоохранительными органами и закрываются; в образовательных учреждениях и досуговых заведениях для детей и подростков педагогами и психологами повсеместно проводятся идейно-просветительские и разъяснительные мероприятия по профилактике склонения к совершению суицида посредством интернет-ресурсов. Однако коренным образом эту проблему решить не удастся: закрытие одних ресурсов влечет появление и тиражирование новых, широкий общественный резонанс и освещение темы о «группах смерти» в СМИ на психологическом уровне вызывают любопытство, ажиотаж и интерес к ним со стороны молодых пользователей Интернета, включая тех, которые ранее о них не знали и никогда ими не интересовались; а возможность анонимности и конфиденциальности при общении путем современных интернет-технологий часто не позволяет установить и наказать виновных в склонении к суициду.

Криминология уделяет большое внимание личности преступника и жертвы преступления, анализируя их структуры и параметры, она не обходит вниманием социально-психологические особенности личности суицидентов. Согласно исследованиям, суицид в России наиболее распространен среди мужчин в возрасте от 30 до 45 лет, не состоящих в официальном или гражданском браке и не имеющих высшего образования. Немалая часть из них имеют психические отклонения, не исключаящие вменяемость, страдают наркоманией,

пьянством и алкоголизмом, которые выступают катализаторами не только криминального, но и суицидального поведения, и подвержены депрессиям и аффективным состояниям. Уровень дохода у этих людей в основном низкий, как правило, они относятся к низшим слоям общества, которые психологически являются более чувствительными к социально-экономическим потрясениям [1; 25].

Большая часть из покончивших жизнь самоубийством ранее никогда не совершали покушений на суицид и не выражали намерений уйти из жизни, однако многие из них испытывали тягостные и гнетущие чувства от непонимания со стороны окружающих, изолированности и внутреннего одиночества, имели низкую самооценку, которая мешала им быть критичными, уверенными в себе и самостоятельно находить выходы из трудных жизненных ситуаций [12].

Личность тех, кто предпринимал попытки суицида, не приведшие к смерти, нередко подвергается синдрому «стигматизации» — навешиванию окружением неприглядных ярлыков, хотя еще Э. Дюркгейм настаивал на том, что самоубийцы, как и покушавшиеся на суицид, не должны преследоваться, осуждаться или презираться обществом. В результате эффекта стигматизации эти люди отчуждаются от общества, теряют прежние социальные связи, превращаются в изгоев, что только усиливает вероятность повторения попыток суицида.

Негативное и настороженно-подозрительное отношение со стороны окружающих формирует у этих людей негативное представление о самом себе (*negative self-image*), которое описано в психологической концепции «зеркального Я» (ее суть выражена в тезисе: «Я — это то, что думают обо мне другие»). В итоге такие личности начинают поступать в соответствии с той ролью (ярлыком, имиджем) («самоубийцы», «аутсайдера», «неудачника», «неполноценного», «неадекватного», «пропащего», «больного», «лишнего» человека), которую им определило их окружение, провоцирующее и подталкивающее их тем самым на повторение покушений на суицид.

Интересны мысли Р. Гарофало, изложенные в его работе «Критерии опасного состояния», в которой он доказывает, что многие преступления совершаются ввиду формирования у человека особого психологического состояния, предрасполагающего к конфликту с социальными нормативами — «опасного состояния личности». Это состояние сопровождается внутренним кризисом личности, сменяемый эмоциональным безразличием и апатией, при которых индивиду, находящемуся нем, часто бывает все равно: покончить жизнь самоубийством или убить кого-либо другого (такую ситуацию в криминальной психологии именуют бифуркационной или флуктуационной).

Резюмируя наш обзор, можно сделать вывод, что суицид, помимо научного анализа, направленного на поиск и выявление его причин, которые лежат в плоскости социального и психологического начал, единство которых составляет личность человека, нуждается в предупреждении посредством формирования эффективно действующей целостной и комплексной системы. Таковой, несмотря на существенные ежегодные социально-экономические потери, морально-психологический вред и демографический урон, наносимые явлением суицида, в России сегодня не создано. В нашей стране не имеется даже единого, общегосударственного сервиса «телефона доверия», куда бы могли круглосуточно обращаться люди с суицидальными мыслями (в ряде регионов действуют лишь местные психологические службы, которые оказывают по телефону психологическую помощь). Также в России наблюдается нехватка специализированных служб по профилактике суицида в муниципалитетах, особенно в сельской местности, где эта проблема стоит особенно остро.

Существенная роль в профилактике суицида должна отводиться СМИ, включая интернет-ресурсы; помимо обеспечения контроля за ними с целью исключения либо минимизации влияния негативного контента на психологию и сознание российских граждан, следует нацелить их на решение задач по повышению информированности населения о возможностях системы предупреждения суицида и привлечению внимания общества к вопросу суицидальной смертности в целом.

Литература

1. Антипина И.В. Суицид // Роль правоохранительных органов в современном обществе: проблемы научно-практического обеспечения: материалы Всероссийской научно-практической конференции 7—8 апреля 2005 г. Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского института МВД России, 2005. С. 297—299.
2. Борисов Л. Суицид в уголовно-исполнительной системе: проблема или миф? // Преступление и наказание. 2007. № 10. С. 10—11.
3. Васин С.А. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах // Демографическое обозрение. 2015. № 1. С. 89—124.
4. Васин С.А., Крнев А.В. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями // Смертность от внешних причин в России с середины XX века / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2017. С. 328—385.
5. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Воля и ее воспитание у заключенных. М.: Изд-во Высшей школы МВД СССР, 1969. 48 с.
6. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Исправительно-трудовая психология: Учебник. М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1974. 426 с.
7. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Психологические основы режима. М.: Изд-во Высшей школы МООП СССР, 1968. 24 с.
8. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Психические состояния человека, лишенного свободы. М.: Изд-во Высшей школы МООП СССР, 1968. 44 с.
9. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Психология коллектива заключенных. М.: Изд-во Высшей школы МООП СССР, 1968. 36 с.
10. Глоточкин А.Д., Пирожков В.Ф. Эмоции и чувства человека, лишенного свободы. М.: Изд-во Высшей школы МВД СССР, 1970. 47 с.
11. Дюндик Ю.Н. Правовые и педагогические аспекты военной суицидологии // Право и образование. 2005. № 1. С. 105—121.
12. Ермолаева Е.Г. Суицид и преступность в ряду социальных девиаций в России // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 2. С. 129—131.
13. Ефремов В.С. Основы суицидологии. СПб.: Диалект, 2004. 480 с.
14. Казберов П.Н. Проявления суицидов среди личного состава // Преступление и наказание. 2013. № 8. С. 6—7.
15. Кони А.Ф. Очерки и воспоминания. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908. 892 с.
16. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Самоубийства как элемент изучения гомицидальной преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 207—214.
17. Корсаков К.В. Криминологическое моделирование и язык криминологической науки // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 5. С. 156—157.

18. Корсаков К.В. Религиозный подход к преступлению и наказанию: от принципа талиона и кровной мести к доктрине покаяния // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. № 3. С. 147—159.
19. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
20. Куминская Е.А. Феномен аутсайдерства в подростковых коллективах // Психологическая наука и образование. 2017. № 2. С. 84—95.
21. Матвеева И.А. Профилактика суицидов осужденных, подозреваемых, обвиняемых // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2007. № 6. С. 16—25.
22. Радина Н.К. Город как фабрика страха и риска: детский взгляд на городское пространство // Социальная психология и общество. 2017. № 2. С. 131—145.
23. Романовский Г.Б. Право на жизнь и право на самоубийство // Медицинское право. 2003. № 1. С. 38—42.
24. Сафуанов Ф.С., Сочивко О.И. Психологическая оценка суицидального риска: соотношение про- и антисуицидальных личностных факторов // Психология и право. 2019. № 4. С. 211—224.
25. Сотникова Ю.А. Специфика лиц, совершающих суицидальные попытки // Социальная и клиническая психиатрия. 2005. № 6. С. 11—18.
26. Харабет К.В. Суицидальное поведение как форма девиантного поведения военнослужащих // Право в вооруженных силах. 2003. № 2. С. 13—14.
27. Цой О.Р. Самоубийства в местах лишения свободы: криминологические проблемы. М.: Норма, 2007. 208 с.
28. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Взаимосвязь суицидального и преступного поведения // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 159—161.
29. Durkheim E. Le Suicide. Paris: Les Presses Universitaires de France, 1967. 462 p.
30. Fristad M., Shaver A. Psychosocial interventions for suicidal children and adolescents // Depression and Anxiety. 2001. № 14. P. 192—197.
31. Sher L., Vilens A. Internet and suicide. New York: Nova Science, 2009. 452 p.

References

1. Antipina I.V. Suicid [Suicide] Rol' pravoohranitel'nyh organov v sovremennom obshchestve: problemy nauchno-prakticheskogo obespecheniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 7-8 aprelya 2005 g. [Role of law enforcement agencies in modern society: problems of scientific and practical support: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference 7-8 April 2005]. Ulan-Ude: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs Publ., 2005, pp. 297-299.
2. Borisov L. Suicid v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme: problema ili mif? [Suicide in the penal system: a problem or a myth?]. *Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]*. 2007, no. 10, pp. 10-11. (In Russ.).
3. Vasin S.A. Smertnost' ot povrezhdenij s neopredelennymi namereniyami v Rossii i v drugih stranah [Mortality from injuries with uncertain intentions in Russia and in other countries]. *Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]*, 2015, no. 1, pp. 89-124. (In Russ.).
4. Vasin S.A., Krenev A.V. Smertnost' ot povrezhdenij s neopredelennymi namereniyami [Mortality from injuries with uncertain intentions], In Vishbevsy A.G. (ed.), *Smertnost' ot vneshnih prichin v Rossii s serediny XX veka [Mortality from external causes in Russia since the middle of the XX century]*. Moscow: Higher School of Economics Publ., 2017, pp. 328-385.

5. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Volya i ee vospitanie u zaklyuchennyh [Will and The Education of the Prisoners]. Moscow: Higher school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1969. 48 p.
6. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Ispravitel'no-trudovaya psihologiya: Uchebnik [Corrective Labour Psychology]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1974. 426 p.
7. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Psihologicheskie osnovy rezhima [Psychological Foundations of the Regime]. Moscow: Higher school of MOO USSR Publ., 1968. 24 p.
8. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Psihicheskie sostoyaniya cheloveka, lishennogo svobody [Mental State of a Person Deprived of Liberty]. Moscow: Higher school of MOO USSR Publ., 1968. 44 p.
9. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Psihologiya kollektiva zaklyuchennyh [Psychology of the Collective Prisoners]. Moscow: Higher school of MOO USSR Publ., 1968. 36 p.
10. Glotchkin A.D., Pirozhkov V.F. Emocii i chuvstva cheloveka, lishennogo svobody [Emotions and Feelings of a Person Deprived of Liberty]. Moscow: Higher school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1970. 47 p.
11. Dyundik Y.N. Pravovye i pedagogicheskie aspekty voennoj suicidologii [Legal and pedagogical aspects of military suicidology], *Pravo i obrazovanie* [Law and Education]. 2005, no. 1, pp. 105-121. (In Russ.).
12. Ermolaeva E.G. Suicid i prestupnost' v ryadu socialnyh deviacij v Rossii [Suicide and crime in a number of social deviations in Russia]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava* [Bulletin of the Saratov State Academy of Law], 2007, no. 2, pp. 129-131. (In Russ.).
13. Efremov V.S. Osnovy suicidologii [Basics of Suicidology]. Saint-Petersburg: Dialekt, 2004. 480 p.
14. Kazberov P.N. Proyavleniya suicidov sredi lichnogo sostava [Manifestations of suicide among the personnel]. *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment], 2013, no. 8, pp. 6-7. (In Russ.).
15. Kony A.F. Ocherki i vospominaniya [Essays and Memoirs]. Saint-Petersburg: Typ. A.S. Suvorina, 1908. 892 p.
16. Koretsky D.A., Steshich E.S. Samoubijstva kak element izucheniya gomicidalnoj prestupnosti [Suicide as an element of the study of homicidal crime]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2019, no. 2, pp. 207-214. (In Russ.; abstr. in Engl.).
17. Korsakov K.V. Kriminologicheskoe modelirovanie i yazyk kriminologicheskoy nauki [Criminological modeling and the language of criminological science]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Right], 2006, no. 5, pp. 156-157. (In Russ.).
18. Korsakov K.V. Religioznyj podhod k prestupleniyu i nakazaniyu: ot principa taliona i krovnoj mesti k doktrine pokayaniya [Religious approach to crime and punishment: from the principle of talion and blood feud to the doctrine of repentance]. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2015, no. 3, pp. 147-159. (In Russ.; abstr. in Engl.).
19. Kudryavtsev V.N. Pravovoe povedenie: norma i patologiya [Legal Behavior: Norm and Pathology]. Moscow: Nauka, 1982. 287 p.
20. Kuminskaya E.A. Fenomen autsajderstva v podrostkovykh kollektivah [The phenomenon of outsiderism in adolescent groups]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2017, no. 2, pp. 84—95.

21. Matveeva I.A. Profilaktika suicidov osuzhdennyh, podozrevaemyh, obvinyaemyh [Prevention of suicides of convicts, suspects, accused]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitelnoj sistemy* [Bulletin of the Criminal Executive System], 2007, no. 6, pp. 16-25. (In Russ.).
22. Radina N.K. Gorod kak fabrika straha i riska: detskij vzglyad na gorodskoe prostranstvo [The city as a factory of fear and risk: a child's view of urban space]. *Social'naya psihologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017, no. 2, pp. 131—145.
23. Romanovsky G.B. Pravo na zhizn i pravo na samoubijstvo [The right to life and the right to suicide]. *Medicinskoe pravo* [Medical Law], 2003, no. 1, pp. 38-42. (In Russ.).
24. Safuanov F.S., Sochivko O.I. Psihologicheskaya ocenka suicidal'nogo riska: sootnoshenie pro- i antisuicidalnyh lichnostnyh faktorov [Psychological assessment of suicidal risk: the ratio of pro- and anti-suicidal personal factors]. *Psihologiya i pravo* [Psychology and Law], 2019, no. 4, pp. 211—224.
25. Sotnikova Y.A. Specifika lic, sovershayushchih suicidal'nye popytki [Specificity of the perpetrators of suicide attempts]. *Social'naya i klinicheskaya psihiatriya* [Social and Clinical Psychiatry], 2005, no. 6, pp. 11-18. (In Russ.).
26. Harabet K.V. Suicidal'noe povedenie kak forma deviantnogo povedeniya voennosluzhashchih [Suicidal behavior as a form of deviant behavior of military personnel]. *Pravo v vooruzhennyh silah* [Law in the Armed Forces], 2003, no. 2, pp. 13-14. (In Russ.).
27. Tsoj O.R. Samoubijstva v mestah lisheniya svobody: kriminologicheskie problemy [Suicide in prison: criminological problems]. Moscow: Norma, 2007. 208 p.
28. Shalagin A.E., Idiyatullof A.D. Vzaimosvyaz' suicidal'nogo i prestupnogo povedeniya [Relationship between suicidal and criminal behavior]. *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* [Journal of Economics, Law and Sociology], 2018, no. 1, pp. 159-161. (In Russ.).
29. Durkheim E. *Le Suicide*. Paris: Les Presses Universitaires de France, 1967. 462 p.
30. Fristad M., Shaver A. Psychosocial interventions for suicidal children and adolescents. *Depression and Anxiety*, 2001, no. 14, pp. 192—197.
31. Sher L., Vilens A. *Internet and Suicide*. New York: Nova Science, 2009. 452 p.

Информация об авторах

Корсаков Константин Викторович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела права, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

Information about the authors

Konstantin V. Korsakov, PhD in Law, Associate Professor, Senior Research Associate, Law Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2967-9884>, e-mail: korsakovekb@yandex.ru

Получена 13.04.2020
Принята в печать 07.09.2020

Received 13.04.2020
Accepted 07.09.2020